

в газете "Република" (Рим) от 7 января 1989 года опубликовано интервью, которое корреспондент газеты "Република" в Москве Эцио Мауро взял у Бориса Ельцина.

Интервью опубликовано под заголовком: "Горбачев, будь осторожен!"

" Я убежден, что рано или поздно, Горбачев и я сделаем шаг навстречу друг другу, " – заявил Ельцин. "Настало время честно сказать, что виновником нашего конфликта был Лигачев. И сегодня, хотя он и не отказался от своих позиций, я не уверен, что Лигачев сможет и дальше действовать подобным образом. В данный момент я нахожусь в положении ожидающего: на ближайшем съезде я намерен вновь потребовать своей политической реабилитации, в случае, если справедливость не будет восстановлена раньше. Я хочу, чтобы были зачеркнуты слова, характеризующие мою позицию как "политически ошибочную". Факты говорят сейчас об обратном.

Вопрос: В настоящее время позиция Горбачева стала прочнее или нет?

Ельцин: В личном плане, да. Но консерваторы замерли в глубинах перестройки, ожидая удобного момента, чтобы выйти на поверхность. Последние кадровые перестановки были удачными для сторонников Горбачева. Успешно осуществляется программа внешней политики, чего нельзя сказать о внутренней политике. Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод: Горбачев укрепил свое личное положение в руководстве, но его политика вызывает беспокойство. Наибольшее отставание реформы ощущается в сфере экономики, небольшие сдвиги есть в социальном плане; что же касается демократизации, то ее темпы весьма незначительны. В кадровой политике делается далеко не все, что нужно для обновления общества.

07.01.89

N0057

Вопрос: Сегодня, когда даже "Правда" осуждает демократический централизм, не могли бы сказать, верно ли, что в ходе октябрьского Пленума Вы действительно критиковали Раису Горбачеву?

Ельцин: Это не так. Я не считаю, что вопросы, касающиеся жены Генерального секретаря, могут быть вынесены на обсуждение пленума.

Вопрос: Горбачев, через месяц после Вашего выступления на пленуме, заявил, что Вы подрываете союз всех сил, борющихся за перестройку. Сегодня этот союз буквально распался после открытого конфликта "консерваторов" и "прогрессистов". Когда, по Вашему мнению, появились первые признаки этого распада?

Ельцин: Я, лично, убежден, что мое тогдашнее выступление явилось своеобразным шоком для всего руководства, вскрывшее невидимый до того времени конфликт. Это был первый случай в нашей истории, когда на пленуме звучала критика в адрес высшего партийного руководства. Подобного, кстати, не повторялось и после него. Требовалось, чтобы руководство предстало перед народом как единая, сплоченная группа. И этого добивались любым путем. К примеру, я знаю, что после истории с публикацией письма Нины Андреевой в "Советской России", Горбачев долгое время не разговаривал с Лигачевым, но во время празднования 118 годовщины со дня рождения В.И. Ленина телезрители могли видеть их сидящими бок о бок, обсуждающими что-то перед телекамерами. Политика выдвигает свои требования.

Вопрос: Борис Николаевич, ответьте честно, организатором этой истории с письмом был Лигачев?

Ельцин: Я отвечу дипломатично. Этого исключить нельзя.

Вопрос: Именно поэтому Горбачев дал Вам слово в ходе партийной конференции? Для того, чтобы направить критику в адрес Лигачева лично?

Ельцин: Да, мне была предоставлена возможность выступить. Но вы не можете знать, что происходило до этого в зале. Если бы Горбачев хотел дать мне возможность выступить, он бы сделал это раньше, благо я два раза письменно обращался в Президиум с данной просьбой. Однако ответа на свою просьбу я не получил. Тогда я поднялся с места, держа в руке свой мандат делегата, и настоял на том, чтобы мне было предоставлено право высказать свою точку зрения. А то, что мое выступление оказалось полезным для Горбачева, это уже дело другого порядка.

Вопрос: Полезным тем, что вынудило Лигачева открыто выступить в качестве лидера консерваторов?

Ельцин: Да, но не только этим. Лигачев был вынужден выступить с ответной речью и таким образом показал свое настоящее лицо всей партии, всей стране. Могу добавить, что выступление Лигачева было "неинтеллигентным" и явилось первым этапом его "падения".

Вопрос: Куда более тяжелая доля выпала Громыко и Соломенцеву... Где по Вашему мнению, Горбачев "нашел" силы для перетасовки партийного руководства?

Ельцин: Я до сих пор спрашиваю себя, почему Горбачев не сделал этого раньше. Перестановка кадров должна была произойти еще раньше и быть более существенной. После того, как она уже была осуществлена, не требовалось уже какого-либо особого мужества. Все было готово. Сопротивления внутри Политбюро не возникло бы и в случае, если Лигачев был бы выведен из его состава.

Вопрос: Как выяснилось в ходе конференции, именно Лигачев выдвинул Вашу кандидатуру в Политбюро в свое время...

Ельцин: Это неправда. Когда решался вопрос в 1985 году о моем возможном переезде в Москву, предложение это исходило от Долгих. Когда же я ответил отрицательно, второй звонок был от Лигачева, делавшего это по поручению Горбачева.

... Мой же конфликт с Лигачевым носил политический характер. По отношению ко всему прочему мы поддерживали нормальные отношения. Столкновение произошло по вопросу о социальной справедливости. Я всегда считал его неискренним, в том числе и по отношению к Горбачеву. Я не верю ему...

Вопрос: Вы считаете своей победой, что Лигачев несколько потерял свою "силу" в результате перестановки сил?

Ельцин: Если говорить искренне, то этого мало. Нужно было бы идти дальше. Лигачев опозорил себя, заявив во всеуслышание, что они, вчетвером, "создали" Горбачева. Эту фразу можно классифицировать как попытку шантажировать Генерального секретаря, скомпрометировать его. На мой взгляд, Горбачев собрал в тот момент всю свою выдержку и волю, чтобы не отреагировать на этот выпад. Никогда еще никто, по моему личному убеждению, не выступал с такой циничной речью. Народ понял это, о чем свидетельствуют сотни писем с одним вопросом: "Когда уйдет Лигачев?" Лигачев был наказан наполовину. Он попытался перевести общий конфликт к столкновению отдельных руководителей, но был "поставлен на место", получив своеобразное "условное" наказание.

Вопрос: Будете ли Вы избраны в Верховный Совет?

Ельцин: Трудовые коллективы, выдвинувшие мою кандидатуру уже насчитываются сотнями..

Но в партийных кругах мое имя даже не произносится. Более того, когда моя кандидатура доходит до горкома, исполкома и т.д. она попросту вычеркивается из списка. Трудовые коллективы в свою очередь настаивают на моей кандидатуре, но "сверху" приходит приказ: "Ельцина в список не включать!" Как это ни удивительно, но это так. Посмотрим, чем это все кончится. В случае если я буду избран, мне придется уйти с поста министра, потеряв при этом дачу и машину. Но это для меня не так важно. Я уже отказался от пайка и прекрасно себя чувствую.

Вопрос: Сейчас, на четвертом году перестройки, существует какая-либо ощутимая опасность для Горбачева лично, либо его положение сейчас уже вне всякой опасности?

Ельцин: Поверьте мне, даже сегодня необходимо быть постоянно начеку. Может произойти все, что угодно".

Перевод с итальянского

"Республика", 7 января
1989 г.

"ГОРБАЧЕВ, БУДЬ ВНИМАТЕЛЕН"

"Камикадзе" Ельцин обвиняет: перестройка ослабла

Москва. - "Я верю в перестройку. Рано или поздно перестройка вернется к тому, что поверит в меня". Старый боец в форме. Год спустя после отлучения от партии, после поражения от консерваторов, которые изгнали его из руководства Московской организации КПСС, Борис Ельцин чувствует, что его политическое чистилище заканчивается, говорит об отставании перестройки, требует от Горбачева не оставлять обновление на полпути, идет в атаку на своего главного противника Егора Лигачева и одновременно думает о том, чтобы принять активное участие в предвыборной кампании по выборам нового парламента. Но в особенности в тот момент, когда он вновь "лезет в свалку", Ельцин рассказывает об этапах, о тайнах и о столкновениях в последний год перестройки, год, отмеченный открытым конфликтом между реформистами и консерваторами в "верхах" Советского Союза. Это - захватывающая и загадочная история политической борьбы, которая еще не закончилась, которая касается судеб Империи, но которая затрагивает также и личные отношения между лидерами КПСС.

"Факты подтверждают мою правоту"

"Я думаю, что в ближайшее время мы с Горбачевым сделаем шаг навстречу друг к другу, - заявляет Ельцин. - Я знаю, что ему было неприятно осуждать меня и что в тот момент он был тем товарищем, который наиболее лояльно отнесся ко мне. Наступил

момент, когда можно сказать, что этот раскол между нами был полностью создан Егором Лигачевым. А сегодня, хотя он и продолжает держаться на поверхности, я все же не думаю, что Лигачев сможет продолжать свою деятельность в этом направлении. Я жду; но на ближайшем съезде партии, если до него не восторжествует справедливость в отношении меня, я выступлю с просьбой о моей политической реабилитации. Я бы хотел, чтобы были зачеркнуты те два слова, которые определяют мою позицию как "политически ошибочную". Факты свидетельствуют о том, что дело обстоит не так". Большой кабинет заместителя министра строительства светел и пуст, как будто бы Ельцин здесь проездом. На пустом столе всего один лишь экземпляр "обзора печати" с подчеркнутым красным карандашом лозунгом: "Егор! Ты глубоко не прав!"

Вопрос: Борис Николаевич Ельцин, западные газеты называют Вас "камикадзе перестройки". Вы нападали, проигрывали, но не сдались. Какой итог Вы могли бы подвести за этот, последний год столкновений в советских "верхах"? Усилилась ли перестройка?

Ответ: Должен сказать, что нет. К сожалению. Конечно, произошли изменения, были сделаны шаги вперед в области демократии, гласности и реформ. Но результаты были не такие, которых ждали и в которых нуждались. Мы не должны забывать, что начинается четвертый год перестройки. А на четвертый год перестройки мы должны были бы быть гораздо дальше, чем мы находимся сейчас.

Вопрос: Но разве Горбачев не стал сильнее, чем год назад?

Ответ: В персональном плане - да. Сейчас консерваторы "опустились на дно" перестройки и ждут подходящего момента.

Последние передвижки руководящих кадров усилили сторонников Горбачева. Успешно проводится внешняя политика, гораздо успешнее, чем внутренняя, - и это парадокс, над которым следует задуматься. Суммируя все эти элементы, можно прийти к выводу, что позиции Горбачева упрочились: но, скорее, в персональном плане, чем в плане его политики.

Вопрос: Вы, что, хотите сказать, что судьбы перестройки не совпадают с судьбой Горбачева?

Ответ: Я просто говорю, что конкретные результаты нового курса меньше, чем ждали люди.

Вопрос: А где, по Вашему мнению, сильнее проявляются отставания?

Ответ: Экономическая реформа, по сути дела, буксует; в социальном плане достижения остаются незначительными; в области демократизации то, что должно было бы "бежать", на самом деле "идет пешком"; средства массовой информации угасают, сконцентрировавшись больше на 30-х годах, чем на проблемах сегодняшнего дня; да и в кадровой политике не было сделано все, что необходимо, для подлинного обновления.

Вопрос: Говорят, Вы совсем не жалеете о том, что Ваша критика в прошлом году стоила Вам места, это так?

Ответ: А почему я должен сожалеть? В социальной сфере я не вижу таких изменений, которые убедили бы меня в том, что я ошибся. Более того, по ряду вопросов, которые я поднимал - от снабжения продовольствием до товаров народного потребления и сферы обслуживания, - были приняты решения, с которыми я согласен. Но речь идет именно о решениях: люди ждут результатов, и путь не близок. Таким образом, год спустя, факты показывают правоту моей речи, которую я произнес на октябрьском Пленуме ЦК и которая не была опубликована.

Вопрос: Но сегодня, когда даже "Правда" критикует демократический централизм, правда ли, что в той речи Вы критиковали Раису Горбачеву?

Ответ: Неправда. Вопросы, касающиеся жены Генерального секретаря, не являются темой обсуждения Пленума.

Вопрос: Тогда Вас обвинили в критике "руководства партии". Можете Вы сегодня сказать: Вы критиковали в своей речи только Лигачева или еще кого-нибудь другого?

Ответ: Еще кого-нибудь другого.

Вопрос: Месяц спустя Горбачев сказал, что Вы подрывали "союз всех сил", необходимый для успеха перестройки. Сегодня, после открытого столкновения между консерваторами и прогрессистами, этот союз взорван. Как, по-Вашему, когда начал давать трещину союз на высшем уровне?

Ответ: Я думаю, что моя речь послужила своего рода шоком в высшем руководстве, обнажив постоянные противоречия. До этого никогда не было случая, чтобы руководство подвергалось обвинениям в ходе Пленума. И, по правде говоря, даже после этого не случалось ни разу. Но тогда надо было показать любой ценой единство руководства. Например, я знаю, что после статьи Нины Андреевой в "Советской России" Горбачев и Лигачев не разговаривали, но на торжественном собрании, посвященном дню рождения В.И.Ленина, сидели рядом и долго разговаривали перед телекамерой. Это — политика, и это ее веление.

Вопрос: Как, по-Вашему, тот просталинский манифест Нины Андреевой имел целью ослабить позиции Горбачева и ограничить его возможности или же был направлен на формирование альтернативы Генеральному секретарю?

Ответ: Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно было бы знать замысел не того, кто подписал статью, а того, кто организовал всю эту операцию и подготовил удар. Потому, что удар был: значит, кто-то тешил себя надеждами, о которых Вы говорили.

Вопрос: Борис Николаевич, Вы обычно говорите откровенно. Скажите, организатором был Лигачев?

Ответ: Я Вам отвечу самым дипломатическим способом, который я знаю: нельзя это исключать. Нет, нельзя.

Вопрос: Именно поэтому Горбачев неожиданно дал Вам слово на партконференции? Для того чтобы отправить Вас в атаку на Лигачева?

Ответ: Честно говоря, слово я взял сам. Вы не могли видеть, что было в зале. Если бы Горбачев захотел, чтобы я выступил, он мог бы сделать это раньше, так как я направил две записки в

президиум с просьбой предоставить мне слово. Но этого не произошло. Тогда я встал с того места, где сидел в дальнем углу вместе с делегатами от Карелии, поднял мандат, показал его всем и настоятельно потребовал слова. Другое дело, что это мое выступление потом оказалось полезным Горбачеву.

Вопрос: Полезным, потому что вынудило Лигачева выступить с ответом и обнажиться в качестве руководителя от консерваторов?

Ответ: Да, но не только это. Он должен был ответить мне, и таким образом предстал перед партией и перед страной в своем истинном облике. Единственно, что можно сказать, - это то, что его речь оказалась неумной и явилась началом его несчастий.

Вопрос: Если это так, то больше не повезло Громыко и Соломенцеву, возвеличенных тогда Лигачевым в его выступлении в качестве людей, усадивших Горбачева в его кресло и сегодня выведенных из Политбюро. Как, по-Вашему, после стольких компромиссов, где у Горбачева нашлись силы, чтобы вновь перетасовать высшее руководство партии?

Ответ: Я до сих пор спрашиваю себя, почему он не нашел эти силы раньше? Обновление должно было произойти раньше и должно было быть гораздо более глубоким. Когда потом оно произошло, то уже не требовалось особого мужества, все уже перезрело, все уже было готово. Если бы даже из Политбюро вывели Лигачева, то не было бы никакого сопротивления.

Вопрос: Вы упорно говорите о Лигачеве. Но разве не он, как выяснилось на Всесоюзной партконференции, рекомендовал Бориса Ельцина в Политбюро?

Ответ: Это неправда. Когда Политбюро решило в 1985 году, что я должен переехать из Свердловска в Москву, мне позвонил от имени Политбюро Долгих. Я отказался. Тогда, на следующий день, мне позвонил Лигачев, по поручению Горбачева. Я повторил свой отказ, и он призвал меня к соблюдению партийной дисциплины.

Вопрос: Почему Вы отказывались от должности в Москве?

Ответ: Скажем так: работа на Урале, после десятилетнего пребывания там, мне нравилась. Скажу еще, что там рабочие не качаются на ветру. Если им надо поддержать Ельцина, они его поддерживают. Вплоть до сегодняшнего дня.

Вопрос: Но с чего начались разногласия с Лигачевым?

Ответ: Это были политические разногласия. В остальном все было нормально, мы здоровались друг с другом. Столкновение происходило прежде всего по вопросу о социальной справедливости. Он говорил мне, что когда речь шла о людях, я был слишком левым, а во всех других вопросах слишком правым. Я всегда считал его не совсем искренним человеком, в том числе по отношению к Генеральному секретарю. Я не верил ему, хотя он утверждает, что построил социализм в одной области или что-то вроде этого.

8.

Вопрос: Считаете ли Вы сегодня своей политической победой уменьшение роли и влияния Лигачева, потерявшего управление идеологией и перешедшего на сельское хозяйство?

Ответ: Скажу откровенно: этого мало. Следовало бы пойти до конца.

Вопрос: То есть?

Ответ: Послушайте, я бы на его месте уже давно подал в отставку. Сразу после конференции. Он опозорился, когда заявил перед всеми, что они вчетвером выдвинули Горбачева. Это была попытка захватить Генерального секретаря в заложники, да и скомпрометировать его. Я думаю, что Горбачеву стоило больших усилий не отреагировать на такое утверждение. Я еще не слышал, чтобы кто-нибудь говорил с таким цинизмом. Люди поняли это, что доказывают сотни писем, которые я получаю и в которых задается вопрос: когда же уйдет Лигачев?

Вопрос: Не могли бы Вы высказаться яснее по одному пункту: на Ваш взгляд роль Лигачева уменьшилась? Действительно ли он был и продолжает оставаться в одиночестве?

Ответ: Если Вы хотите сказать тем самым, что руководство обновилось еще не совсем так, как надо было бы, я отвечу Вам, что это так.

Вопрос: После такого чрезвычайного события, как землетрясение, складывается впечатление, что партнерство Горбачев-Лигачев, действовавшее внутри Политбюро, уступает место содружеству Горбачев-Рыжков, глава государства и глава правительства: это верное впечатление?

Ответ: Нужно иметь в виду, что официально Лигачев никогда не был вторым лицом. Но у нас фактически "наперсником" является тот, кто ведет Секретариат, а Лигачев вел его. В последние месяцы все решения подписывает Горбачев, а Секретариат не ведется никем. Что же касается Рыжкова, то справедливо и логично, чтобы в СССР, как и во всех странах мира, председатель Совета министров был вторым человеком в государстве.

Вопрос: Не думаете ли Вы, что, несмотря на усилия Рыжкова и Горбачева, землетрясение вкупе с Нагорным Карабахом подчеркнули существование кризиса советской политики в области национальных отношений?

Ответ: На самом деле, в национальных отношениях не было никакой политики, никакой программы, никакого плана. Считалось, что этот вопрос был решен раз и навсегда. Как можно выбирать в Политбюро первого секретаря Азербайджана и не выбирать первого секретаря Армении? Люди все видят и все понимают. А потом терпение их лопается.

Вопрос: Но кризис касается не только Закавказья. Как Вы рассматриваете стремление Эстонии к автономии?

Ответ: Как логический процесс, как процесс интересный. Не следует паниковать, если только, конечно, верх не возьмут националистический дух и беззаконие. Но, по-моему, Народный фронт - это хорошо, ибо он порывает с удушающей политической апатией. Конечно, когда общество пробуждается, какие-то перекосы неизбежны. Но если сломается стекло, ничего страшного, мы вставим новое.

Вопрос: Ну, а если Народный фронт, как и многие другие неформальные группы, не сможет избрать депутатами своих представителей, в то время как более мелкие бюрократические организации спокойно выдвинут своих кандидатов? Что Вы думаете по этому поводу?

Ответ: Такой риск существует, и я боюсь, что при новой системе выборов мы сами в ней запутаемся и не выберем лучших. Даже партии не совсем ясно, как сработает эта сложная машина. Я по-прежнему убежден, что нужно прийти к прямым, всеобщим выборам при тайном голосовании, очень простым и всем понятным.

Вопрос: А будете ли избраны Вы в новый парламент?

Ответ: Трудовых коллективов, предложивших мою кандидатуру, так же, как районов, насчитываются уже сотни. Но в партии мое имя не звучит. Более того, когда моя кандидатура поступает в горком, то там ее отвергают. Трудовые коллективы настаивают, всячески двигают меня вперед, но сверху поступает официальное указание: Ельцина не пропускать. Невероятно, но это так. Посмотрим, что получится в конце концов.

II.

Вопрос: Но Ваша должность министра несовместима со статусом депутата: что Вы выберете?

Ответ: В том случае, если я буду избран, я бы подал в отставку с должности министра. Я уже сказал жене: пусть у нас не будет ни дачи, ни персонального автомобиля, неважно. Я уже отказался от спецпайков для номенклатуры и прекрасно себя чувствую. Может быть, немножко похудел, но тем не менее выжил.

Вопрос: Вы говорите о спецпайках для руководителей, а что Вы думаете о "продовольственной бомбе", нависшей над перестройкой?

Ответ: Правы те, кто говорят, что у нас есть год, может быть, два, для того чтобы снабдить магазины товарами, пока народ не взбунтовался. Продуктовый кризис показывает, что в тактике перестройки не все идет гладко. Фронт слишком широк, всеобъемлющ. Вначале надо было решить политические проблемы и сосредоточить все силы на тех вопросах, которые затрагивают повседневную жизнь людей: продукты, товары ширпотреба, сфера обслуживания. Иначе перестройка все больше будет превращаться в болтовню.

Вопрос: Но сегодня на четвертом году перестройки позиции Горбачева еще под угрозой или они прочны?

Ответ: Поверьте мне: и сегодня надо быть начеку. Потрясения еще возможны.

Л. М. - 6

27 ДЕК 1991 * 0057

Документ поступил
из С-та т. Болунне в ХТ. 54